

Новые и старые темы в российских внешнеполитических дебатах

Владимир Барановский

Многие российские аналитики и политики полагают, что в середине текущего десятилетия началась новая эра в сфере взаимоотношений России с внешним миром. Большинство говорит об этом с воодушевлением—совсем не обязательно обусловленным приближенностью к Кремлю или желанием таковой добиться (но все же очень часто именно указанным обстоятельством и объясняемым). Другие (таких значительно меньше) отмечают новые тенденции во внешнеполитической сфере с беспокойством—хотя объясняют их возникновение по-разному, да и беспокойство свое нередко мотивируют диаметрально противоположными соображениями.

Различия касательно объяснения источников и генезиса перемен, их вектора, политического смысла и эвентуальных последствий могут быть весьма значительными. Они очень часто напрямую соотносятся с симпатиями или антипатиями в отношении существующего в стране режима, его политической верхушки или ее персонифицированных представителей (включая сюда и фигуру президента—а точнее, начиная с нее).

Есть и другая причина указанных различий—неодинаковая глубина проникновения аналитической мысли в многослойные напластования современной политической реальности. Это опять-таки имеет разнообразные объяснения—от уровня профессионализма наблюдателя до меры его циничности и продажности. В рамках широких статистических закономерностей одно, вероятно, связано с другим—чем больше востребована сервильность, тем ниже ожидаемый от нее (и предлагаемый ею) уровень компетенции. Но во многих конкретных случаях было бы упрощением оценивать адекватность тех или иных положений только в зависимости от того, какие политические выводы из них могут быть сделаны. На официальную политику (либо против нее) могут "работать" как серьезные, так и достаточно поверхностные аргументы.

В целом картина кажется достаточно неоднородной. Однако в ней все-таки можно выделить целый ряд тем, которые весьма отчетливо просматриваются даже на фоне всех указанных выше различий. Вряд ли можно считать, что в этих темах находит свое выражение сложившийся в обществе внешнеполитический консенсус. Но они обозначают некий вектор преобладающих настроений и потому, безусловно, требуют внимания.

1. Возвращение на мировую арену

Из числа тех вопросов касательно взаимоотношений России с внешним миром, по которым могли бы согласиться между собой и критики режима, и его энергичные сторонники, на первое место было бы уместно поставить констатацию значительно более весомого присутствия страны на международно-политическом поле, чем это было совсем недавно. Лучше своих русских коллег эту мысль выразил Эндрю Качинс из Центра Карнеги: Россия вернулась на политическую арену, вновь обрела силу после

двух десятилетий упадка, опять вступила в игру после взятого ею болезненного геополитического тайм-аута и тяжелых травм распада Советского Союза¹.

"Russia is back"—эта формула звучит гораздо афористичнее на английском языке, чем на русском ("Россия возвращается"). Но выражаемое этой формулой внешнеполитическое мироощущение достаточно адекватно передает возникшее в последнее время восприятие России даже не владеющими английским языком наблюдателями—как внутри страны, так и за ее пределами.

Речь идет не просто о внешнеполитической активизации. Она если и имеет место, то кажется скорее стохастическим процессом, нежели хорошо продуманной и всесторонне осмысленной линией. Периоды внешнеполитической активности сменяются приступами флегматичного спокойствия на грани безразличия (как это бывает в отношении ближневосточного урегулирования). На некоторых направлениях (как, например, в случае с Африкой) Россия давно блистательно отсутствует и не прилагает почти никаких усилий для изменения такого положения вещей. Принимаемые решения далеко не всегда кажутся вписанными в некий стратегический замысел (таковой, например, трудно обнаружить в политике по отношению к Грузии). Успешность российских внешнеполитических эскапад нередко оказывается сомнительной или как минимум спорной (как в случае с Украиной).

Парадокс в том, что Россия тем не менее оказывается заметной величиной. Настолько заметной, что ее контур обнаруживается почти в любом международно-политическом ландшафте. Можно спорить, почему это так и что здесь играет более важную роль—размеры страны или ее геостратегическое расположение, военный потенциал или наличие огромных запасов природных ресурсов, доставшееся от истории цивилизационное наследство или привилегированный международно-политический статус (например, в Совете Безопасности ООН)... Наверное, имеет значение совокупность всех перечисленных обстоятельств, вызывающая в памяти малонаучное, но достаточно точное определение великой державы: это такая страна, глядя на которую каждому ясно, что она является великой державой.

Перечисленные факторы существовали и раньше—но на протяжении первого постсоветского десятилетия они отходили на задний план, и все затмевал образ тяжело (а может быть, и смертельно) больного человека, которому вряд ли суждено оправиться от выпавших на его долю испытаний. К середине текущего десятилетия этот образ рассеялся—причем быстрее, чем многие ожидали.

Переход России из "веса пера" на международном ринге в разряд тяжеловесов находит свое выражение прежде всего в том, что она начинает формировать собственную повестку дня в вопросах взаимоотношений с внешним миром. Это—принципиальное отличие от того, что имеет место в случае с государствами ограниченной и даже средней дееспособности. И от того, что было характерно для самой России вплоть до недавнего времени—когда в ее внешней политике превалировало реагирование на поступающие извне импульсы. Сегодня же она сама начинает инициировать импульсы, адресуемые внешней среде. Считает возможным ставить некоторые задачи, которые проистекают из ее собственного понимания того, как должен выглядеть окружающий

¹ Andrew C. Kuchins. Look Who's Back. *The Wall Street Journal Europe*, 9.05.2006.

ее мир—а не сводить все дело к тому, чтобы с наименьшими издержками вписаться в этот мир, приспособиться к нему.

Это не гарантирует успех—наоборот, увеличивает риск проигрышей и поражений. Это требует более ответственной политики и более основательной ее интеллектуальной проработки—что также далеко не всегда кажется очевидным. Это больше имеет отношение к амбициям, чем к тщательно продуманному балансу потребных усилий и возможных выигрышей (cost-effectiveness). Но таковы наблюдаемые в последнее время реальности российской внешнеполитической идентификации. Которые, впрочем, накладывают свой отпечаток и на то, как воспринимают Россию в окружающем ее мире.

2. Экономические горизонты

Если говорить об источниках возросшего российского присутствия в международных делах и о причинах, позволяющих ей чувствовать себя более уверенно, то на первое место следует поставить экономические обстоятельства. Именно они играют решающую роль в характере взаимодействия с внешним миром. И здесь картина разительно изменилась в сравнении с тем, что было 10-15 лет назад.

Тогда Москва, планируя свои бюджетные расходы в начале каждого года, не была уверена, что сможет осуществить очередные выплаты даже по обслуживанию своих долгов. Зависимость от Международного валютного фонда была финансово обременительной и политически унижительной. О какой внешнеполитической дееспособности могла идти речь, когда страны чувствовала себя (и, в сущности, была) банкротом?

Сегодня об МВФ забыли. Проблема не в том, чтобы найти деньги на выплаты по долгам, а в том, чтобы убедить кредиторов принять эти выплаты раньше срока. Прогнозы и отечественных, и зарубежных аналитиков рисуют для страны самые радужные перспективы. Характерен заголовок статьи в "Известиях", комментирующей один из таких прогнозов: "Когда Россия станет главной в Европе"?² По оценкам "Голдман Сакс", это произойдет в 2030 г.; по оценкам ИМЭМО—как минимум на десять лет раньше³.

Очень соблазнительно объяснить все фантастическим везением по причине взлетевших до небес цен на углеводородное сырье. На Россию действительно обрушился даже не дождь, а ливень нефте- и газо-долларов. Мистически настроенные аналитики склонны видеть в этом перст судьбы, циники и прагматики предпочитают вообще об этом особо не задумывать и призывают просто "ковать железо, пока горячо", используя свой шанс по максимуму.

Но только ли все сводится к ценам на газ и нефть? Согласно аналитике оптимистического настроения, они конечно же создали благоприятные стартовые условия, позволили запустить в экономике процессы, требующие финансовой подпитки, художественно обеспечили "подушку безопасности" в отношении социальных издержек реформ. Однако без начавшегося в стране экономического роста, только за счет ценового

² Юлия Миронова. Когда Россия станет главной в Европе? *Известия*, 19.07.2007, с.1,7.

³ Имеются в виду размеры валового внутреннего продукта. *Мировая экономика: прогноз до 2020 г.* Под ред. А.А.Дынкина. М.: Магистр, 2007, с.387.

фактора переломить ситуацию не удалось бы. Пессимистическая трактовка событий обращает внимание совсем на другое - на то, что качество этого экономического роста сомнительно, он неустойчив и может в любой момент обернуться понижающимся трендом.

Оставим выяснение истины истории, а также специалистам по экономике. Но отметим, что на счет случайного стечения обстоятельств можно отнести один, два, три года экономического роста. Когда же он наблюдается в течение семи, восьми, девяти последовательных лет—это уже позволяет думать о несколько более устойчивых тенденциях. И еще: какие бы ни возникали оговорки по поводу экономических преобразований в стране, она становится все более привлекательной для иностранного бизнеса. А это достаточно серьезный показатель. Частный инвестор не пойдет туда, где баланс вероятных рисков и возможных выигрышей неблагоприятен.

И реальные экономические обстоятельства, и то, что о них думают россияне и нероссияне, сказываются самым непосредственным образом на внешней политике страны и на ее взаимоотношениях с внешним миром. Самое существенное—это то, что Россия перестала чувствовать себя экономически несостоятельной. Она больше не вынуждена занимать очередь за бесплатными обедами для бедных. Она, может быть, пока не готова кормить такими обедами других—для этого требуются не только деньги, но и некоторая этическая мотивация,—но уже перестала ощущать себя экономическим изгоем.

А это значит, что Россия может вступать на международное поле с высоко поднятой головой. И в ней уже нельзя видеть просителя, вызывающего у других чувство некоторой неловкости и желание приободрить неудачника дружеским похлопыванием по плечу. Наоборот—к ней надо относиться так же, как к другим полноправным участникам международной жизни. Самоуважение и ожидание уважения от других—вот что привносит новая экономическая ситуация в российские внешнеполитические представления.

Понятно, что из такого самоощущения должен проистекать гораздо более спокойный стиль общения с внешним миром. Россия, уверенная в собственных силах, способна стать для других стран более надежным, стабильным и предсказуемым партнером.

Но это обстоятельство парадоксальным образом может дать прямо противоположный эффект, если *уверенность* начинает перерастать в *самонадеянность*. Если ощущение вновь обретенной экономической дееспособности трансформируется в упоение от открывшихся возможностей использовать рычаги экономического давления во внешней политике. В случае с Россией расстояние от нормы до крайности оказывается иногда очень коротким. И, пожалуй, наиболее наглядным тому свидетельством в последнее время стала попытка использовать образ "энергетической сверхдержавы" во внешнеполитических целях.

Начало эта короткая и неблистательная история берет в конце 2005 г. Очень многим в российском внешнеполитическом сообществе исходная посылка, на которой строился этот образ, показалась вполне убедительной. В самом деле, существующая и прогнозируемая потребность в энергоресурсах столь высока, а их запасы в России столь значительны, что от открывающихся перспектив может воистину закружиться голова. Тем более, что для значительного числа стран-потребителей Россия

оказывается либо единственно возможным, либо по многим основания наиболее предпочтительным поставщиком.

И термин "сверхдержава" в этом смысле оказывается не таким уж неуместным. Раньше определяющим для этого статуса было наличие ракетно-ядерного потенциала, а в будущем его субститутом станет потенциал в области энергоресурсов. Значение последних оказывается даже более существенным—причем для жизненно важных интересов любой страны.

А параллели между "старой" и "новой" сверхдержавностью выстраиваются по очень широкому спектру—затрагивая обеспечение безопасности, механизмы влияния, возможности давления, формирование круга союзников и клиентов, определение параметров стабильности и т.п. Только раньше все это определялось через военно-политический потенциал СССР и США, а теперь будет производным от потенциала энергоресурсного.

Россия, согласно этой логике, оказывается ключевой фигурой на мировой арене. Поэтому вырисовываются по крайней мере два мега-императива для ее внешней политики. Во-первых, удержать имеющееся лидерство, минимизировать эвентуальные конкурентные возможности других участников международной жизни. Во-вторых, конвертировать энергоресурсы в политические дивиденды.

Сомнительная привлекательность такого "дизайн-проекта"—в его незатейливости и самоочевидности. Он настолько прямолинеен (если не сказать, примитивен), что его даже неловко излагать как официальную внешнеполитическую доктрину—чего Россия никогда и не делала на уровне своих высоких представителей. Но зато практическая внешняя политика страны достаточно часто черпала вдохновение в установках, вытекающих из этого концепта. Например, продвигая выигрышную для себя проблематику энергобезопасности в качестве стержневой на период российского председательства в "большой восьмерке" (как, впрочем, и на ряде иных многосторонних форумах), или предлагая энергетическую "love story" Евросоюзу и США, или участвуя в "большой игре" вокруг маршрутов поставки углеводородов, или ведя яростные, но бессмысленные газовые войны с партнерами по СНГ. Казалось, официальный энтузиазм Москвы был прямо пропорционален испугу, который вызывал этот натиск у ее партнеров.

Несколько иная картина вырисовывается в аналитике, которая не носит официального характера. Часть ее сначала занялась бесхитростной апологетикой тезиса о России как "энергетической сверхдержаве". Но гораздо более распространенными оказались настроения, в которых превалируют настороженность и даже скепсис. В них отражаются и менее радужные представления об энергетических перспективах самой России, и сомнения в том, что внешняя политика может быть эффективной, если окажется выстроенной на моноресурсе, и опасения касательно превращения России в энергосырьевой придаток Европы, США и даже Китая. Особо подчеркивается возможность формирования коалиции против России теми государствами, у которых могут вызвать озабоченность ее сверхдержавные амбиции в условиях глобального энергодефицита.

Примечательно, что в конечном счете даже на официальном уровне идея "энергетической сверхдержавы" была объявлена контрпродуктивной и чуть ли не вредной с точки зрения российских интересов⁴. Но вряд ли кто в российском внешнеполитическом сообществе будет настаивать на том, чтобы в своих взаимоотношениях с внешним миром страна просто абстрагировалась от возможности использовать имеющиеся у нее полезные ископаемые—и прежде всего, разумеется, нефть и газ. Наоборот, есть довольно стойкое ощущение: даже если "нефтегазовым аргументом" и надо пользоваться достаточно осторожно, он все-таки обеспечивает России весьма солидный запас прочности на внешнеполитическом поле.

3. Внутриполитические факторы

Другая группа факторов, оказавших (и оказывающих) влияние на то, как Россия смотрит на окружающий ее мир и как она им воспринимается, касается внутриполитического развития страны. Здесь картина достаточно противоречивая, но и она дает пищу для понимания новых тенденций в российском внешнеполитическом дискурсе. Две большие темы возникают в данном контексте.

(1) Во-первых, это обретение страной более высокой меры политической устойчивости. Вручение власти Владимиру Путину на исходе "эры Ельцина" означало, что вопрос о преемственности системы управления страной в 2000 г. удалось решить. До прохождения следующей точки бифуркации с повышенными рисками возникала не просто передышка, но огромный резерв времени. Эти восемь лет позволили использовать все доступные политические технологии для того, чтобы купировать угрозу любых сколько-нибудь значительных потрясений в стране, фактически исключить сценарий прихода к власти оппозиции, а также минимизировать дестабилизирующие последствия возможных персонально-клановых изменений внутри режима.

В этом смысле страна подходит к выборам 2008 г. в состоянии гораздо большей определенности, чем это было на протяжении всей ее постсоветской истории. Другой показатель определенности—выстроенная "вертикаль власти", существенно расширившая возможности центра контролировать более низкие уровни политической системы. Такую же направленность имела отмена выборности губернаторов и переход к их назначению президентом.

Мы не затрагиваем здесь вопрос о том, каким образом была достигнута эта стабилизация. Критики режима полагают, что цена, которую за нее пришлось заплатить, является запредельно высокой по критериям демократии и народовластия. Не очевидна и действенность установившейся системы, в которой проблематична обратная связь между обществом и властью и в которой сомнителен легитимирующий эффект выборов. Но вот с точки зрения внешнеполитических возможностей государства стабилизация, пусть даже далеко не совершенная, является благом. Поскольку режимы слабые, неустойчивые, не имеющие сколько-нибудь надежной внутриполитической опоры в принципе неспособны проводить внятную и последовательную внешнюю политику.

⁴ Эта мысль, в частности, прозвучала в выступлении министра иностранных дел Сергея Лаврова на XV Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) в марте 2007 г. См. http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/f3c5edc2daddb268dc32572a10041ed8f?OpenDocument.

Конечно, тезис о благотворном влиянии самого факта укрепления режима на внешнюю политику энергично оспаривается критиками режима. Как считает Андрей Илларионов, бывший до недавнего времени советником президента Владимира Путина, возникшая "силовая модель" российского государственного устройства довела внешнюю политику до полной деградации. У России нет внешнеполитических союзников, она все чаще оказывается в изоляции, качество и интенсивность ее контактов с западными странами и странами СНГ сокращаются, а внешнеполитическое внимание переключается на страны Востока⁵.

Стоит, впрочем, заметить, что в интерпретации сторонников позитивной оценки режима такого рода признаки свидетельствуют о другом—о вновь обретенной способности страны отстаивать свои интересы (пусть даже и вступая в противоборство с недавними друзьями и союзниками), о придании большей сбалансированности российской внешней политике, о выходе на новые внешнеполитические рубежи. Примечательно, что когда участникам опросов предлагают определить наиболее позитивные результаты в период президентства Владимира Путина, на первое место чаще всего ставится укрепление международных позиций России⁶.

Во внешнеполитической сфере проявляется еще одно следствие авторитарной стабилизации—связанное с успешным купированием дезинтеграционных тенденций в России. Опять-таки не будем здесь обсуждать методы, какими удалось обеспечить территориальную целостность страны. Очевидно, что в случае с Чечней это было сделано предельно жестко и с огромными издержками. Но если в 90-х гг. возможность распада России была совершенно реальной, то сегодня такой угрозы практически нет.

В результате—коль скоро мы говорим о внешней политике—Россия становится в этом плане гораздо менее уязвимой к эвентуальному внешнему давлению, чем раньше. На протяжении долгого времени тот же самый вопрос о положении дел в Чечне был для Москвы источником головной боли в ее различных внешнеполитических интеракциях. Каждое появление российской делегации в Совете Европы было чуть ли не подвигом. Сегодня же эта тема ушла далеко на задний план.

Отметим также сюжет о территориальных коллизиях во взаимоотношениях России с некоторыми соседними странами. Преимущества сильного политического режима и в этих случаях очевидны. Меньше вероятность того, что такому режиму смогут навязать очевидно невыгодное для страны решение, создав тем самым проблемную ситуацию на будущее. И наоборот—на компромисс проще идти с позиции силы. Москве в этом смысле было легче договориться с Китаем об уточнении линии границы на Дальнем Востоке при Путине, нежели при Ельцине. Не исключено, что это создает некоторые шансы и для урегулирования территориального вопроса с Японией.

Примечательно, что в условиях России диалектика взаимодействия внутривнутриполитической ситуации и внешней политики превратилась в дополнительный фактор общественной поддержки президента Владимира Путина. С внешними партнерами при необходимости надо говорить достаточно жестким языком—этот тезис в России всегда казался привлекательным для довольно широкого круга людей. А к такому разговору будет способен только достаточно авторитарный политический

⁵ Андрей Илларионов. Силовая модель государства: предварительные итоги. *Коммерсант*, 2.04.2007, с.2.

⁶ См. *Известия*, 27.04.2007, с.2.

лидер. Следовательно, политическая система должна предоставить ему некую меру авторитарности...

(2) Во-вторых, особое внешнеполитическое досье составляют оценки внутривнутриполитических преобразований в России ее зарубежными партнерами—и готовность (или неготовность) России эти оценки принимать во внимание. Вопрос в том, насколько серьезными могут быть проистекающие отсюда внешнеполитические последствия.

Как известно, всеобщее ликование в связи с демократическим выбором России, вступившей на ту же столбовую дорогу, что и западные страны, уже не просто достояние далекого прошлого, а нечто приближающееся к мифу или легенде. В реальной жизни этот миф замещается фактами. Таковых три. Во-первых, Россия не оправдала ожиданий своих западных учителей. Во-вторых, она и сама во многом разочаровалась в качестве их демократии. В-третьих, она больше не хочет считать их учителями: выслушивать поучения и признавать их право выставлять России оценки. Таков настрой среднестатистического россиянина⁷.

На этом поле между Россией и Западом уже давно возникают серьезные коллизии. В эпоху Путина их стало не просто больше—можно сказать, что они обрели новое качество. Сначала эта тема возникла в связи с установлением более жесткого контроля над средствами массовой информации, затем вокруг "дела ЮКОСа", вслед за этим настал черед мер по монополизации российского политического пространства.

Практически каждый шаг по этому пути вызывал негодование западного общественного мнения или по крайней мере отчетливые негативные комментарии в западных средствах массовой информации. А вот на уровне своей официальной политики западные страны были гораздо сдержаннее, чаще задумываясь о своих интересах, а не о судьбах России.

Здесь играло свою роль еще и то обстоятельство, что почти со всеми их лидерами у президента Путина установились превосходные личные отношения. К тому же он явно переигрывал контрагентов в умении навязать импонирующий им стиль общения, а заодно и более убедительную аргументацию.

В официально адресуемых Москве упреках ощущалась некая ритуальность—их нельзя было не высказать, но и серьезной реакции российской стороны на них не ожидалось. С мягким авторитаризмом установившегося в России режима готовы были согласиться в обмен на его кооперативность и соблюдение им неких правил приличия (хотя не вполне ясно, каких именно).

Во всяком случае, таким становилось восприятие подхода Запада в России—причем как среди оппозиции, так и в кругах, лояльных к политическому режиму. Недовольные им приверженцы демократических и либеральных ценностей постепенно утверждались в мысли о предательстве Запада, который руководствуется формулой "газ в обмен на демократию". А сторонники власти считали эту формулу выражением прагматизма

⁷ Этот вывод на основе проводимых в стране опросов делает генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) Валерий Федоров. См. Валерий Федоров. Путинцы пошли налево и направо. *Известия*, 19.06.2007, с.6.

Запада—для которого газ в Европе действительно нужнее демократии в России и с которым поэтому вполне можно строить конструктивные отношения.

Возник своего рода концептуальный *modus operandi*—некая незатейливая политико-идеологическая конструкция, которую выстроили совместными усилиями обе стороны. Однако ее фундамент достаточно зыбок, и динамика событий вносит в сложившуюся систему постоянные коррективы.

С одной стороны, при всей любви внешних партнеров Кремля к демократии, у них могут быть мотивы к тому, чтобы предпочитать в качестве своего контрагента Россию стабильную и дееспособную, а не пребывающую в состоянии смуты и шарахающуюся из стороны в сторону. Если условием предсказуемости и вменяемости является некоторое "подмораживание" политической системы, в этом совсем не обязательно видеть трагедию. В Москве, естественно, рассчитывают именно на такую логику своих западных контрагентов.

Но в практической реализации этой логики, конечно, есть некие пределы, за которыми она просто перестанет работать. А при зачистке российского политического пространства этих пределов можно и не заметить (особенно если учесть, что никто точно не знает, где они находятся). И в адресованных России речитативах западных лидеров могут появиться стальные нотки.

Похоже, именно это начинает происходить где-то на рубеже 2006-2007 гг. Но как раз тут-то Россия и созрела для того, чтобы "встать с колен"! Она прошла все стадии этого процесса: сначала на навязчивые попытки обогатить ее чужим опытом перестают реагировать, потом они начинают вызывать раздражение, потом на них начинают огрызаться, и наконец, из-за них свертывается сотрудничество по каким-то другим направлениям.

С другой стороны, в России эпохи Путина сама тема укрепления режима возникла на пересечении внутренних и внешних аспектов развития страны. Режим стали укреплять против угрозы его расшатывания внутренними оппонентами. Но последних подозревали либо в том, что они изначально исполняют инструкции внешних заказчиков, либо в том, что они могут иметь шанс на успех только при поддержке из-за рубежа. Отсюда—установление гораздо более жестких правил касательно внешнего финансирования действующих в России организаций.

Этот эпизод в свое время вызвал довольно много шума, выплеснувшись и во внешнеполитическую сферу. Но он, строго говоря, был лишь проявлением более общей тенденции—склонности видеть злонамеренные происки Запада во всех поворотах российского внутривнутриполитического развития. А в результате возникают стимулы для ксенофобских настроений, которые могут самыми разными своими гранями касаться внешней политики.

Например, на уровне ее рутинного, повседневного течения создается почва для усиления конспирологических мотивов, причем вне всяких разумных пропорций. Так произошло во время обострения российско-британских отношений в 2006-2007 гг.⁸

⁸ В летописи этого обострения - целый перечень эпизодов, которые во времена холодной войны украсили бы отчет любой из двух сторон о проделанной работе: предоставление политического убежища,

А на концептуальном уровне начинается теоретизирование с целью отгородиться от внешнего влияния. В России апофеозом этой линии стала концепция "суверенной демократии", суть которой применительно к рассматриваемой здесь теме можно выразить очень просто: мы не намерены выслушивать поучения, как строить политическую систему.

4. Уверенность в завтрашнем дне

Через все упомянутые выше темы проходит один общий лейтмотив. Он касается радикальным образом изменившегося самоощущения российской политической элиты. Та ее часть, которая так или иначе соприкасается с внешним миром, чувствует себя на его фоне все более уверенно. Недавний комплекс неполноценности в отношении внешнего мира исчез почти бесследно. Его место начинают занимать другие комплексы с прямо противоположным знаком.

Во-первых, сыграл свою роль фактор времени—и на индивидуальном, и на страновом уровне. Почти два десятилетия—достаточный срок, чтобы нуворишей из России перестали считать "новыми русскими" и стали видеть в них просто очень богатых людей⁹. Чтобы к российскому присутствию в какой-либо части мирового пространства начали относиться не как к чему-то экзотическому, а как к норме, к тому, что может быть уподоблено присутствию французскому, китайскому или американскому. Чтобы в политическом сознании других стран и народов твердо отпечаталось: период инкапсуляции для России окончился, она не утратила своей дееспособности и сегодня снова в строю.

Во-вторых (и как продолжение сказанного выше), Россия развернулась лицом к будущему. Ламентации по поводу "крупнейшей геополитической катастрофы XX века"¹⁰—это уже вчерашний день. Нет смысла ностальгически упиваться воспоминаниями об имперском прошлом. Нет смысла беречь старые раны, переживать по поводу утраченного, искать виноватых.

Кое-кто продолжает по инерции обвинять внешние силы в разрушении Советского Союза, но по большому счету эта тема уже никого не интересует. Интересует не пройденный путь—а тот, который предстоит пройти. К примеру, в отношениях со странами СНГ имеет значение не общее прошлое, а умение сформировать общее будущее.

В этой устремленности вперед—впечатляющее проявление превалирующего сегодня в стране чувства исторического оптимизма. Но в нежелании оглядываться назад таятся и некоторые опасности. Например, опасность дать зеленый свет манипулированию историей, в том числе относительно недавней—когда начинают чуть ли не воспевать

требования об экстрадиции, обвинения в политическом заговоре, уголовных преступлениях и терроризме, убийство, запросы прокураторы, вербовка агентов и судебные дела в связи с попытками вербовки, денежные манипуляции, финансирование подрывной деятельности, баскетбольный прессинг в отношении посла страны-контрагента, разоблачение шпионской деятельности дипломатов с демонстрацией видеозаписей по телевидению, объявление дипломатических представителей персонами нон грата, угроза ужесточения визового режима...

⁹ "Синдром Куршевеля" в эту картину, конечно же, не вписывается – но выглядит все-таки скорее затухающим, нежели набирающим силу трендом.

¹⁰ Так охарактеризовал Владимир Путин развал Советского Союза в послании Федеральному Собранию в 2005 г.

сталинскую эпоху с ее выдающимися свершениями. Или опасность неумения извлечь уроки из своего собственного прошлого—в том числе из опыта внешнеполитического, который в многих отношениях мог бы быть поучительным для сегодняшней России.

В-третьих, как бы банально это ни звучало, чувству уверенности способствует богатство. Этот фактор тоже действует и на индивидуальном уровне, и в масштабах страны. Большая часть российской элиты относится к числу состоятельных граждан, и это некоторым образом корректирует их кругозор в вопросах взаимоотношений с внешним миром. К тому же они знают, что за ними стоит богатая страна. Хотя, разумеется, богатство—понятие относительное, и речь в данном случае не идет о ВВП на душу населения или децильном коэффициенте.

В-четвертых, уверенность проистекает из ощущения, что России есть с чем выйти на международную арену. Здесь, правда, картина достаточно противоречивая, хотя это и естественно: от имени разных корпоративных групп, разных интеллектуальных традиций и т.п. могут предлагаться разные товары, ценности, идеи. Важно то, что в этом перечне будут не только нефть, газ и другие виды сырья, но и товары с высокой степенью обработки, отдельные виды научной продукции, а также нематериальные активы. Некоторые из них могут иметь эксклюзивный характер (отдельные виды оружия, геостратегический ресурс, персональные связи и т.п.)—что придает эксклюзивный характер соответствующим российским возможностям во взаимоотношениях с теми или иными внешними контрагентами.

Наконец, в-пятых, некоторые важные тенденции международно-политического развития, как кажется российским наблюдателям, играют России на руку и не просто дают ей определенный дополнительный шанс, но открывают поистине захватывающие возможности. Подробнее об этом пойдет речь несколько позднее.

Таким образом, Россия вступила в новое столетие с ощущением, что ветер начинает дуть в ее паруса. Это ощущение доминирует внутри страны, и оно проецируется вовне, влияет на ее восприятие внешним миром. А российская элита испытывает приятный оптимистический настрой в отношении своих международных перспектив. И поскольку она считает себя достойным представителем и выразителем интересов своей страны, то примерно такое же чувство она испытывает и в отношении внешнеполитического будущего России в целом.

Конечно, чувство это не носит абсолютного характера, и за него приходится платить—запредельной лояльностью к власти, отказом от непомерных амбиций, несамостоятельностью и прочими издержками мягкого авторитаризма. Но все компенсируется приятным предвкушением стабильности на обозримую перспективу: защищенностью от социальных катаклизмов, от непредсказуемых результатов выборов, от слишком опасных внешних конкурентов.

И все же чувство уверенности в завтрашнем дне, эта знакомая людям старшего поколения формула времен "реального социализма", вызывает и некоторые тревожные ощущения. Ведь "возвращение" России, как уже отмечалось выше, произошло не столько вследствие каких-то целенаправленных усилий, а наоборот—даже несмотря на те ошибки и несуразности, которые она совершила. Это, с одной стороны, свидетельствует о значительном запасе прочности, который возникает в силу существования объективных факторов (территория, газ и прочее). Но с другой—может вызвать некоторую аберрацию внешнеполитического сознания, иллюзорное

представление о чуть ли ни экзистенциальном характере имеющегося у страны внешнеполитического ресурса.

Между тем считать его неисчерпаемым неверно по существу дела и опасно по последствиям. Именно на этой почве возникают как излишняя самонадеянность, так и повышенная чувствительность к внешним раздражителям. В США такой синдром возник на волне эйфории по поводу победы в холодной войне и обретения статуса единственной оставшейся сверхдержавы—и поразительно быстро привел к катастрофическим последствиям для престижа страны и ее международно-политического имиджа. В российском внешнеполитическом мышлении и поведении возникают аналогичные признаки—на основе вновь обретенного чувства уверенности. И Россия сталкивается с опасностью повторить опыт США. В этом—обратная сторона ее наблюдаемого сегодня внешнеполитического возрождения.

5. Этот безжалостный мир

Впрочем, самоуспокоенности в российских внешнеполитических дебатах не прослеживается. За место под солнцем придется конкурировать, и борьба эта будет достаточно жесткой—такова еще одна компонента превалирующих внешнеполитических представлений в сегодняшней России

Россия совсем недавно приступила к строительству нового для себя общественного строя—капитализма. И представления участников этого строительства о мире—это представления эпохи раннего капитализма.

Это мир, в котором правят интересы и только интересы. В котором между носителями этих интересов идет жестокая конкурентная борьба. В этом мире не до сантиментов. Кто не успел—тот проиграл. Конец XIX и самое начало XX века—такова временная локализация этих представлений. Их литературный прототип—новеллы О.Генри ("Боливар не выдержит двоих").

Формирование новой общественной системы в стране идет именно по этим правилам. Выиграть смогли лишь более быстрые, более энергичные, более решительные. Сориентированные на результат. Не обремененные бессмысленными этическими императивами (а часто даже и не подозревающие о том, что таковые могут существовать).

Это создает не слишком привлекательный образ российского капитализма начала XXI века. Но другого пока создать не удалось—ведь его выращивали не в пробирке. Время, скорее всего, сделает свое дело, и дикий капитализм станет достоянием истории. Но пока он накладывает мощнейший отпечаток на человеческую натуру—на нравы, стереотипы, поведенческие инстинкты, ценностные критерии, мировоззренческие ориентиры и т.п.

И нет ничего удивительного, что такого рода представления о своем *внутрироссийском* мире россиянин переносит и на *мир вокруг России*.

В нем тоже идет безжалостная борьба—за рынки, за ресурсы, за влияние. В чем-то этот мир даже более суров, чем мир внутрироссийский. Ведь в нем почти все давно поделено, и чтобы занять какое-то место, надо расталкивать других. Не будешь этого делать—тебя самого быстро отодвинут в сторону.

Сказанное выше—превалирующий мотив в представлениях о той международной среде, в которой действует Россия. И об императивах внешнеполитического поведения, которые эта среда диктует. В традиционном споре "реалистов" и "идеалистов" российские участники дебатов о внешней политике в подавляющей своей массе сознательно или интуитивно (поскольку нередко ничего не слышали о таком споре) встали на сторону первых. Это не значит, что идеалистическая парадигма перечеркнута полностью и окончательно, но голос ее приверженцев сегодня практически не слышен.

Однако мир, в котором идет борьба всех против всех, опасен и неуютен—особенно с учетом того обстоятельства, что в нем есть и более сильные действующие лица, чем Россия. Отсюда—тема организации мирового порядка в рассуждениях российских аналитиков.

Исходная точка этих рассуждений—роль международного права, а также многосторонних институтов, предназначенных для регулирования международной жизни. Главный из них—Организация Объединенных Наций, но объектом внимания являются и другие структуры с участием России.

Россия позиционирует себя как энергичный сторонник правовых подходов к решению проблемных ситуаций, возникающих на мировой арене. Более того, само возникновение таких ситуаций объясняется правовым нигилизмом—в этом, по словам Владимир Путина, состоит главная проблема международных отношений¹¹. Однако правовой максимализм, судя по всему, используется достаточно инструментально—он хорош в качестве обоснования своей официальной позиции или при высказывании упреков оппоненту, но далеко не всегда оказывается безусловно плодотворным в развязывании тугих узлов международной политики. В российских дебатах о внешней политике международное право упоминается постоянно—но, похоже, в нем отнюдь не видят какого-то универсального магического средства.

В отношении к ООН амбивалентность российских взглядов проявляется еще более отчетливо. Все хорошо известные традиционные аргументы в поддержку этой структуры усиливаются тезисом о том, что она институционализирует статус России как одной из ведущих стран мира, формально включает ее в число немногих избранных, находящихся на вершине глобальной иерархии. А на другой чаше весов—усиливающиеся сомнения касательно эффективности ООН, растущая роль других механизмов в регулировании международной жизни, необходимость все более обременительных усилий с целью дисциплинирующего воздействия на плохо контролируемое большинство организации. В целом можно сказать, что в российских внешнеполитических дебатах их участники достаточно часто апеллируют к ООН—хотя, пожалуй, преимущественно в публицистическом плане и главным образом в контексте критических выпадов против политики США. Однако серьезных аналитических исследований о роли ООН не появлялось уже давно¹².

¹¹ См. *Коммерсант*, 22.01.2007, с.3.

¹² К примеру, опубликованная в 2006 г. книга Владимира Федорова (В.Федоров. *Организация объединенных наций, другие международные организации и их роль в XX веке*. М.: ИНО-Центр, 2006) содержит обширный фактический материал, но ограничивается в своей аналитической компоненте тщательным воспроизведением официального российского подхода (что, впрочем, вполне естественно, поскольку автор долгое время возглавлял соответствующее подразделение МИД России).

Инструментальное отношение к другим многосторонним структурам выражено еще более отчетливо. Правда, в неофициальных дебатах расстановка акцентов может несколько отличаться от тех, которые делает официальная внешняя политика. Последней, например, присущи более сбалансированные оценки Совета Европы, тогда как в комментариях наблюдателей, не связанных с нормами официальной политкорректности, присутствует гораздо более высокая мера раздражения в связи с "вмешательством" этой организации в российские дела, равно как и готовность к радикальным рекомендациям (вплоть до официального выхода из нее). А вот усилившийся официальный критицизм в отношении ОБСЕ сопровождается достаточно показательным равнодушием аналитического сообщества.

Однако структурирование мировой системы происходит не только и не столько формальными методами (международное право, ООН и т.п.), сколько фактическим распределением влияния в международно-политическом пространстве. Именно здесь, на этом уровне, решается вопрос о том, кто есть кто в мировой табели о рангах, какое место в ней занимает и будет занимать Россия.

6. Противоречивое очарование многополярности

Вплоть до самого недавнего времени пафос российских рассуждений был сфокусирован на критике модели возглавляемого Вашингтоном однополярного мира и активном продвижении тезиса о многополярности. Полемика на этот счет временами возникает и сегодня, но носит она весьма вялый характер и похожа на сражение с противником, которого нет. Кажется, такое положение складывается не только в России: энтузиастов формулы однополярного мира сейчас не больше, чем адептов формулы "конца истории".

Здесь, однако, стоит сделать несколько уточнений.

Во-первых, в нормативном смысле однополярность неприемлема по очевидным для России соображениям¹³. Однако некоторые аналитики высказывают опасение, что альтернативной может стать еще большая хаотизация международных отношений: "По мере снижения влияния США возникают предпосылки не многополярного, а бесплюсного мира"¹⁴. Другие обращают внимание на трудности с поддержанием стабильности в условиях многополярности, а также на то, что в некоторых сферах ее становление будет не укреплять, а размывать международную безопасность (наиболее очевидная опасность в этом смысле—расширение многополярности в области ядерных вооружений)¹⁵.

Во-вторых, часто подчеркивается, что в реальности однополярность—это не более, чем миф. Уже сегодня США, при всем своем могуществе, не в состоянии управлять

¹³ Владимир Путин в беседе с Романо Проди заметил (с задумчивой улыбкой, по сообщению присутствовавшего при этом журналиста), что "монополизм всегда плох, но в одном случае очень хорош – когда монополия своя" (Андрей Колесников. Владимир Путин предпочел романское германскому. *Коммерсант*, 24.01.2007). Поскольку Россия явно не может претендовать на монополизм в решении международных дел, ее негативное отношение к однополярности оказывается если и не обусловленным принципиальными мотивами, то вполне логичным ситуативно.

¹⁴ *Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего*. М.: Совет по внешней и оборонной политике, 2007, с.47.

¹⁵ *У ядерного порога: уроки ядерных кризисов Северной Кореи и Ирана для режима нераспространения*. Под ред. А.Арбатова. Москва: РОССПЭН, 2007

международной системой в одностороннем порядке. К тому же тенденции экономического развития позволяют прогнозировать относительное усиление альтернативных полюсов—а значит, и рост их международно-политического влияния в противовес американскому.

В-третьих, возникает вопрос, насколько России выгоден форсированный переход к многополярному миру – ответ на который отнюдь не очевиден¹⁶. К тому же вместо искомой многополярности в будущем может настать время новой биполярности, где противостоящими друг другу полюсами станут США и Китай. Для России возникнет непростой вопрос о выборе своего места в такой эвентуальной конфигурации. В представлении оптимистов перед Россией откроется привлекательная возможность играть решающую роль в поддержании баланса между двумя полюсами, что побудит каждого из них рассматривать Россию как критически важного партнера. Пессимистические же предположения сводятся к тому, что России не останется ничего иного, как согласиться на роль младшего партнера в отношении одного либо другого полюса.

Но в целом большинство участников внешнеполитических дебатов с энтузиазмом размахивают флагом многополярности. Использование этой формулы стало привычной фигурой речи, к которой прибегают почти автоматически. Многополярность склонны рассматривать как чуть ли не безусловное благо, и на связанных с нею противоречиях и вызовах внимание, как правило, не задерживаются. Обходят стороной и то обстоятельство, что сам по себе этот подход может оказаться irrelevantным в отношении многих актуальных проблем международно-политической жизни.

Сфокусированность и даже несколько болезненная заикленность на дихотомии "однополярность versus многополярность"—характеристика той части российского внешнеполитического дискурса, которую можно, воспользовавшись рыночными аналогиями, уподобить сегменту недорогих товаров массового потребления. Аналитика, претендующая на более высокий интеллектуальный уровень, оперирует иными понятиями в своих представлениях об особенностях современного мира и его международно-политической повестке дня.

На этом уровне вопросы ставятся более углубленно, и очевидных ответов на них не предполагается. Одна из тем, на которую уместно обратить внимание в этом плане, касается глобализации. Разумеется, и здесь есть поверхностные оценки, примитивные клише и прямолинейные рекомендации (глобализацию продвигают США и транснациональные корпорации, она ведет к установлению их всемирного господства, ее развитие таит в себе опаснейшую угрозу суверенитету государств и т.п.). Но в целом российская аналитика по вопросам глобализации носит весьма основательный характер, вписывается в многолетнюю исследовательскую традицию и вполне конкурентоспособна по самым высоким мировым стандартам¹⁷.

Можно назвать и другие сюжеты общего характера, которые серьезно разрабатываются российскими специалистами: отношения центр-периферия в мировой экономике и международных отношениях, проблемы догоняющего развития и т.п. Когда такого

¹⁶ Виктор Кувалдин. В поисках сути российской внешней политики. *Международная жизнь*, 2007, №6, с.29.

¹⁷ См, например, *Глобализация и Россия: проблемы демократического развития*. М.: Русское слово, 2004.

рода проблематика включается во внешнеполитический дискурс, это обогащает его фундаментальными и не подверженными конъюнктурным влияниям качествами. Правда, происходит это нечасто.

В ориентированных на внешнюю политику дебатах востребованными оказываются иные темы—прежде всего позволяющие взглянуть на мировую систему с точки зрения того места, которое занимает или может занимать в ней Россия. Даже когда проработка этих тем носит поверхностный характер, они становятся предметом внимания (или с большой вероятностью станут им в обозримом будущем).

Назовем в качестве примера мысль о том, что Россия находится на острие нескольких глобальных разломов, характеризующих современный мир. Часть из этих разломов сегодня можно считать "традиционными": между Европой и Азией, между богатыми и бедными, между радикальным исламом и христианской цивилизацией. Два других возникают на наших глазах: между традиционным Западом и энергопроизводящими странами за контроль над энергоресурсами, а также между моделями либерально-демократического капитализма и авторитарного капитализма. Положение России в международной системе надвигающейся новой эпохи будет определяться тем, как она сможет вписаться в определяемые этими изломами глобальные изменения¹⁸.

7. Мюнхенский синдром

Выступление Владимира Путина на конференции в Мюнхене 10 февраля 2007 г. стало в известном смысле этапным событием. Адресованное специфической аудитории—высокопоставленным представителям политической элиты западных стран—и выдержанное в наступательной манере, оно вызвало оживленные комментарии.

На Западе тон этих комментариев был в основном тревожный. Многие увидели в речи российского президента чуть ли не декларацию об объявлении "холодной войны". Однако основания для таких оценок сомнительны по нескольким причинам.

Во-первых, нельзя сказать, чтобы озвученные президентом темы представляли собою какие-то особые внешнеполитические новации. В Мюнхене они лишь были выражены в более концентрированной форме. Правда, впервые объектом прямого и достаточно энергичного осуждения стали США. Но даже если в Вашингтоне и сочли это "оскорблением величия" (*lèse majesté*), увидеть в таком объявлении войны (пусть даже и "холодной") значило бы выставить себя в нелепом свете.

Во-вторых, опыту "холодной войны" была присуща неизмеримо более конфронтационная стилистика (как слов, так и дел). Нынешняя—это в лучшем случае отказ от вегетарианства, а не переход к каннибализму.

В-третьих, и в содержательном плане реминисценции касательно "холодной войны" достаточно поверхностны—если, конечно, не считать таковой любую напряженность в отношениях между участниками международной жизни (что в истории происходило несчетное количество раз). Сегодня нет наиболее важных признаков, которые характеризовали международную жизнь в сорокалетнюю эпоху "холодной войны" (с конца 40-х до конца 80-х гг. прошлого века).

¹⁸ С.А.Караганов. Наступает новая эпоха. *Российская газета* (федеральный выпуск), № 4407, 6.07.2007.

Нет жесткой биполярности—когда взаимоотношения антагонистов выражались формулой игры с нулевой суммой (и, например, сама возможность перемещения из одного лагеря в другой могла стать причиной кризиса). Нет непримиримого идеологического противоборства—которое было самостоятельным обоснованием ожесточенного соперничества. Нет военной конфронтации—которая ставила участников на грань столкновения и сопровождалась широкомасштабной гонкой вооружений.

В дебатах концептуального плана, которые ведутся на этот счет в России, серьезные аналитики не допускают крена в сторону искусственно нагнетаемого алармизма, подчеркивают отсутствие объективных оснований для того, чтобы Россия и западные страны оказались разведенными по разные стороны баррикад¹⁹. Вместе с тем нельзя не видеть, что по каждому из перечисленных выше критериев происходит накопление негативного материала—как в плане практической политики, так и на ментальном уровне.

Да, биполярность времен противостояния двух сверхдержав и сплотившихся вокруг них союзников ушла в прошлое. Но возникающий в России синдром неблагоприятного (а то и враждебного) окружения вполне может быть уподоблен тому безусловному взаимному негативизму, который доминировал в условиях биполярного противостояния. Российская борьба с расширением НАТО, российские "озабоченности" в связи с расширением ЕС, российские претензии в отношении ДОВСЕ по причине обусловленного этим договором дисбаланса в пользу НАТО—не напоминает ли все это инстинкты и комплексы биполярного прошлого?

Далее, тема идеологической дихотомии "коммунизм-капитализм" в сегодняшней России не существует, и ее влияние на внешнюю политику равно нулю. Но сам феномен идеологической компоненты в международно-политическом развитии отнюдь не исчез. Если новый глобальный идеологический разлом противопоставит либерально-демократическую и радикально-исламистскую парадигмы, то принадлежность России к западному ареалу будет очевидной. Но на более низких уровнях идеологического позиционирования картина может оказаться более противоречивой.

Речь идет не о контроверзе "западного материализма и индивидуализма" и "православной духовности и соборности"—маловероятно, что она затронет внешнюю политику. А вот неодинаковые представления о совместимости (или несовместимости) ценностей, о правах человека, о демократических нормах ее затрагивают. Они могут привести (и уже приводят) во взаимоотношения России с Западом ощущение *déjà vu*.

К счастью, параллели с эпохой "холодной войны" в военно-политической области сегодня кажется абсолютно иррелевантными, если иметь в виду масштабы военного противостояния сторон тогда и сейчас. Однако и здесь обнаруживаются повод для огорчительных наблюдений—если вспомнить, к примеру, неясность судьбы ДОВСЕ или российскую реакцию на планы размещения элементов американской ПРО. В последнем случае невольно оживают в памяти перипетии борьбы двадцатилетней давности вокруг "Першингов" и СС-20...

¹⁹ Алексей Арбатов. *Москва—Мюнхен. Новые контуры российской внутренней и внешней политики*. Московский Центр Карнеги, Рабочие материалы № 3, 2007.

Так что даже если нет объективных оснований считать происходящее новой версией "холодной войны", напоминания о ее первом издании возникают в последнее время с удручающим постоянством. Это—не лучший фон для развития отношений России с Западом.

Но во многих комментариях российских политиков и наблюдателей на мюнхенскую речь президента Путина акцент делался совсем не на этой стороне дела. В них не просто превалировали позитивные оценки—зачастую они приобретали просто восторженную тональность. Слова Путина были восприняты как вызов Западу—и этот вызов в целом был либо полностью и безоговорочно поддержан, либо по крайней мере показался оправданным и уместным.

В такой реакции сконцентрировались многие российские комплексы в отношении Запада. И воспоминания о 90-х гг. как о периоде времени, когда с интересами России мало считались и когда она по большей части вольно или невольно следовала в фарватере политики Запада. И разочарование в связи с его нежеланием вовлечь Россию как полноценного участника в свои многосторонние структуры. И представление, что в лице России не хотят видеть равноправного участника международной жизни, предъявляют ей непомерные требования, судят по двойным стандартам. И ощущение, что Россию начинают вытеснять даже из ее ближайшего окружения.

Накапливавшееся на этой почве раздражение должно было выплеснуться наружу—что и произошло в выступлении российского президента в Мюнхене. Это раздражение носило не только личностный характер—оно в значительной степени выражало весьма широко распространенные в России настроения. В русле этих же настроений оказываются и другие сигналы мюнхенской речи.

Какие именно? Прежде всего предупреждение: Россия будет отстаивать свои интересы последовательно и твердо. Далее: она намерена изменить парадигму отношений с Западом. Более того—делает заявку на изменение роли России в международной системе.

Россия уже не выступает как держава статус кво—она ставит вопрос об изменении существующих правил игры и изменении международного порядка. Того, в котором доминирование США принимается как должное, в котором можно выборочно применять общепризнанные правила, в котором практикуются двойные стандарты, в котором можно действовать в обход международного права, в котором насильно свергают правительства и произвольно устанавливают политический режим—и далее по списку.

Если выйти за рамки мюнхенской речи, то можно увидеть, что Россия не только не признает указанный порядок, но и намерена инициировать формирование альтернативы ему. Это проявляется, к примеру, в попытках Москвы организовать новые подходы к проблеме создания ПРО в Европе. Нечто похожее происходит на другом поле—когда на Санкт-Петербургском экономическом форуме провозглашается необходимость формирования "новой архитектуры международных экономических отношений" (с прямым призывом уменьшить протекционизм в политике ЕС и США). "В конечном счете,—отмечает российский наблюдатель,—смысл у обоих сюжетов

примерно один: государства, которые привыкли считать себя лидерами, должны, наконец, заметить, что лидеров в мире за последнее время стало гораздо больше"²⁰.

Отметим еще раз: адресуемые Западу сигналы с энтузиазмом поддержаны российским внешнеполитическим сообществом. Да и вообще критические настроения в отношении Запада распространены столь широко, что они охватывают очень значительную часть российского политического спектра²¹.

Правда, не отличающиеся лояльностью к власти аналитики отмечают, что именно она и подогревает антизападные настроения. Поскольку "наша власть больше всего боится, что люди в России перестанут бояться Запада"²². Отсюда—конспирологические мотивы во многих выступлениях представителей власти, в том числе и самых высокопоставленных²³.

Но упреки Западу высказываются и по другим основаниям—за его непомерный негативизм в отношении России. Этот негативизм за последние год-два вышел на новый уровень: Россию окончательно вычеркнули из списка демократических держав, оставили надежды на превращение ее в дружественное государство, на российском направлении наметился переход к политике "неосдерживания". И это является крайне опасным симптомом, осложняющим перспективы отношений России с Западом²⁴.

Критическая оценка Запада вообще обнаруживается в самых различных сегментах российского политического спектра. Либерально настроенный автор на страницах самой либерально-ориентированной московской газеты замыкает круг этого парадоксального консенсуса слегка презрительной сентенцией. "Ведь видно же,—пишет он,—как учуяв запас российской нефти и газа, лощенные представители западного истеблишмента—президенты, премьеры и банкиры—меняют высокомерный тон и начинают заискивать перед российскими коллегами"²⁵.

В то же время в российских внешнеполитических дебатах настойчиво проводится мысль о недопустимости разрыва с Западом. Конструктивные взаимоотношения с ним необходимы по многим причинам, но в первую очередь в связи с задачами модернизации страны—таков лейтмотив российских рассуждений на этот счет.

Впрочем, в комментариях критически и саркастически настроенных наблюдателей возникает и другой аргумент: российская политическая элита ни в коем случае не допустит такого разрыва по своим эгоистическим мотивам, поскольку ее интересы (счета, недвижимость, обучение детей и т.п.) уже давно привязаны к западным странам. Поэтому вся антизападная кампания, согласно такому взгляду, есть некая симуляция, призванная главным образом *создать впечатление* о российской готовности отстаивать свои интересы.

²⁰ Наталия Алексеева. На что делал ставку Владимир Путин? *Известия*, 14.06.2007, с.2.

²¹ См. обзор результатов опросов в России в: *Voices of Russia*. The EuRussia Review. Issue four. June 2007.

²² Ссылка на выступление социолога Татьяны Кутковец - *Новая газета*, № 55, 23.07—25.07.2007, с. 8.

²³ Вячеслав Сурков определил цели Запада как "контроль над природными ресурсами России через ослабление ее государственных институтов, обороноспособности и самостоятельности". (Выступление в Российской Академии Наук 8.06.2007. См. <http://www.er.ru/news.html?id=121456>).

²⁴ С.А.Караганов. Наступает новая эпоха. *Российская газета* (федеральный выпуск), № 4407, 6.07.2007.

²⁵ Андрей Рябов. Порода "русской борзой", *Новая газета*, № 45, 21.06-24.06.2007, с.7.

Конечно, во внешней политике любой страны есть нечто театральное. Россия в этом смысле не является исключением. Но сводить все к некой режиссерской схеме было бы явным упрощением. Ведь даже в театре режиссер не только царь и бог, но и заложник—актеров, зрителей, времени, финансовых обстоятельств и т.п. А во внешней политике причинно-следственных связей неизмеримо больше, и носят они более сложный и противоречивый характер.

К тому же Россия—инерционная держава. Ее можно уподобить большому кораблю, который просто в силу законов физики не может закладывать быстрые и крутые виражи. К виражу, который она делает сейчас, Россия шла довольно долго. Для того, чтобы из него выйти, тоже потребуется время. В том числе и время для изменения тех настроений, которые выявляются в российских внешнеполитических дебатах.